

Шумилова Марина Владимировна

О ДИНАМИКЕ ПРОДУКТИВНОСТИ СУФФИКСА ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ -ОВ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

В статье проанализирована динамика продуктивности суффикса притяжательных прилагательных -ов- в разные периоды существования русского языка, впервые рассмотрена эволюция словообразовательного типа с XI в. до наших дней. В древнерусском языке семантическим центром прилагательных с этим суффиксом является значение принадлежности, которое под влиянием уже существующего в языке типа с относительным суффиксом -ов- со временем угасает, способствуя переходу притяжательных прилагательных в другие разряды. Материалом для исследования послужили толковые и исторические словари русского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 185-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

21. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во МГУ, 2000. 240 с.
22. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
23. Плуныян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира: учебник. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
24. Семиколонова Е. И. Фазовость как одна из основных характеристик процесса // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2004. № 4. С. 68-73.
25. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1997. 320 с.
26. Соколов О. М. Семантика и парадигматика категории фазисности русского глагола // Проблемы лексической и категориальной семантики. Симферополь: Изд-во СГУ, 1982. С. 3-18.
27. Соколов О. М. Фазовое варьирование в видовых оппозициях русских глаголов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 1985. № 4. С. 46-52.
28. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 350 с.
29. Титаренко Е. Я. Имплицитная категория фазовости в русском языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 92-97.
30. Тиунова С. П. Средства выражения фазовости в современном английском языке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. 168 с.
31. Хивокулова Ю. Ю., Ульянова Н. Н. Современные подходы к реализации фазовости в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59): в 3-х ч. Ч. 2. С. 147-150.
32. Хохлова Т. И. Лексический класс глаголов и фразеологизмов в русском литературном языке: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2001. 198 с.
33. Andersson S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. II. Korpusanalyse. Mit einem Exkurs über Aktionalität im deutschen Verbalformsystem. Uppsala Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1978. 176 S.
34. Butler Ch. S. Structure and Function. A Guide to Three Major Structural Functional Theories: in 3 Part. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. Part 1. 552 p.
35. Steinitz R. Zur Semantik und Syntax Durativer, Inchoativer und Kausativer Verben // Linguistische Studien. Reihe A. Berlin, 1977. Bd. 35. S. 85-129.

THE PROBLEM OF THE SEMANTIC CATEGORY OF PHASE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Khinchagova Alina Alikhanovna

*North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov, Vladikavkaz
alinakhin@mail.ru*

Based on a functional approach the article analyzes different points of view on the phase problem. The status of the phase in the system of aspectuality is studied. The differences in the definition of the conception of phase division of the process and the ways of its expression in the Russian language are analyzed in detail. The analysis reveals the interaction of the phase with the category of an aspect. The author describes various modifications of phase meanings, conditioned by the context, the situation of communication, the lexical meaning of the verb.

Key words and phrases: phase; ingressive; inchoative; cunctative; continuative; terminative; progressive.

УДК 811.161.1

В статье проанализирована динамика продуктивности суффикса притяжательных прилагательных -ов- в разные периоды существования русского языка, впервые рассмотрена эволюция словообразовательного типа с XI в. до наших дней. В древнерусском языке семантическим центром прилагательных с этим суффиксом является значение принадлежности, которое под влиянием уже существующего в языке типа с относительным суффиксом -ов- со временем угасает, способствуя переходу притяжательных прилагательных в другие разряды. Материалом для исследования послужили толковые и исторические словари русского языка.

Ключевые слова и фразы: продуктивность; притяжательное прилагательное; суффикс; посессивность; словообразовательный тип.

Шумилова Марина Владимировна

*Омский государственный педагогический университет
shumilova_m.v@mail.ru*

О ДИНАМИКЕ ПРОДУКТИВНОСТИ СУФФИКСА ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ -ОВ- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

На протяжении XX в. притяжательное прилагательное становилось предметом монографических исследований разных ученых (Е. А. Земская, С. Я. Макарова, Б. М. Гриншпун и др.) [3; 7; 10]. Интерес к этой

группе прилагательных обусловлен рядом причин, среди которых отмеченная В. В. Виноградовым «хилость группы притяжательных на *-ов, -ин*» [2, с. 197]. По словам Н. М. Шанского, носители языка в ситуации possessивного выбора предпочитают субстантивы в родительном падеже типа *платье мамы* (вм. *мамино платье*), *брюки отца* (вм. *отцовы брюки*), *нора лисы* (вм. *лисыя нора*) и реже относительные прилагательные *хозяйский сын* (вм. *хозяинов сын*) [14, с. 130].

Выдвинутый более полувека назад великими учеными В. В. Виноградовым и Н. М. Шанским прогноз относительно судьбы притяжательных прилагательных не торопится сбываться. Так, например, для разговорной речи часты образования с суффиксом *-ин-* от имен собственных: *Машин, Ирин, Сережин* – или от наименований родства: *мамин, папин, дядин, тетин*. Б. Ю. Норман говорит о «довольно свободном образовании притяжательных прилагательных» в современных художественных текстах [9, с. 93] Показательной в этом смысле будет речь детей дошкольного возраста, для которых использование притяжательных прилагательных более естественно, чем для школьников: *людин ошейник* (принадлежащий людям), *слонин / слонинный / слоний / слонячий / слонов хобот, петушиное / петушино / петуховое / петушье яйцо, кокоино яйцо* (вместо слова *курица* использовано слово *ко-ко*), *сторителева / мастерины каска* [16, с. 353]. В связи со сложившимся противоречием историю развития и, возможно, угасания каждого словообразовательного типа необходимо разбирать по отдельности. В этой статье рассмотрим динамику продуктивности суффикса *-ов-*. Материалом для исследования послужили притяжательные прилагательные, извлеченные из толковых и исторических словарей русского языка (картотека насчитывает 2674 единицы).

Словообразовательное значение у всех суффиксов притяжательных прилагательных одинаково («принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом»), мотивирующей базой служат имена существительные, обозначающие человека или животного, поэтому при рассмотрении словообразовательных типов притяжательных прилагательных интерес представляют структурные особенности формантов.

Своим происхождением общеславянский суффикс *-ов-*, по мнению Н. П. Зверковской, «обязан дериватам на *-о, -а* от старых основ на *-*й*, из которых он вычленился в результате переразложения основ, в процессе взаимодействия основ на *-*й* и *-*б* и перераспределения старых типов склонения» [5, с. 38].

Древнерусский суффикс *-овъ- (-евъ-)* восходит к праславянскому (*-ov- / -ev-*), который образовывал производные не только от личных или персонифицированных имен существительных, но и от наименований животных и растений (*слоновъ, трновъ*). Возможно, на такой широте охвата имен отразились следы древнейшего противопоставления «активного», «одушевленного» класса имен, куда относились обозначения людей, животных и растений, и «неактивного», «неодушевленного» [6, с. 305].

В древнерусском языке этот суффикс в результате переосмысления дал два разных морфа: суффикс *-овъ- (-евъ-)*1 с семантикой притяжательности и *-овъ-(-евъ-)*2 с семантикой относительности. В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» [12] зафиксированы слова как с притяжательным *-овъ-(-евъ-)*1: *апостоликовъ, аспидовъ, врановъ, врачейевъ, волостителейевъ, деместиковъ, ехидновъ, жениховъ, змииневый, изгоневъ, истьцевъ, коневъ, королевъ, местеровъ, розбоиниковъ, салтановъ, слоновый*, – так и с относительным *-овъ-(-евъ-)*2: *вьрбовъ, оръховъ* и др. Подобных образований немного, большая часть их будет зафиксирована в памятниках старорусского периода, что может говорить о первичности у данного суффикса значения принадлежности и развившемся позже значении соотнесенности.

При образовании прилагательных с суффиксом *-овъ-(-евъ-)*1 морфонологических процессов не возникало.

В целом притяжательные прилагательные данного словообразовательного типа по значению можно разделить на две тематические группы.

1. Прилагательные, обозначающие принадлежность человеку, названному по степени родства, социальной роли, профессии, качественной характеристике, личному имени: *батьковъ, отцовъ, архиереевъ, дяконовъ, господиновъ, вседержителейевъ, волостелевъ, епарховъ, всецъсаревъ, герциковъ, игуменовъ, княжсевъ, кесаревъ, поповъ, стражсевъ, злодъевъ, правдъчиковъ, христосовъ, свароговъ* и др.

2. Прилагательные, обозначающие принадлежность животному: *агнчевъ, аспидовъ, бобровый, ехидновъ, змиевъ, львовъ* и др.

Насколько можно судить по данным словарей, в древнерусском языке слов с суффиксом *-овъ-(-евъ-)*1, обозначающих принадлежность людям, больше, чем тех же слов, указывающих на принадлежность животным, и преобладают именные формы прилагательных.

В старорусском языке количество образований с суффиксом *-овъ-(-евъ-)*1 увеличивается (по данным «Словаря русского языка XI-XVII вв.» [Там же], их становится больше в 5,5 раза). Безусловно, это связано с количеством памятников, дошедших до наших дней, но нельзя также исключить активного развития в этот период у притяжательных прилагательных функции определения.

В этот период группа пополнилась такими притяжательными прилагательными, образованными от основ, называющих человека, как *гребенниковъ, дворниковъ, дворяниновъ, горшечниковъ, городчиковъ, генераловъ, выходцевъ, вотчинниковъ, вкладчиковъ, извоициковъ, дячковъ, духовниковъ, душегубцевъ, барышниковъ, батюшковъ, блудниковъ, антипатовъ, кардиналовъ, аптекаревъ* и др.

Группа притяжательных прилагательных, образованных от основ – названий животных, также пополнилась: *вороновъ, гадовъ, вепревъ, быковъ, василисковъ, журавлевъ, жеребцовъ* и др.

У новообразований с *-ов-* в этот период в некоторых случаях фиксируются местоименные формы, что, в свою очередь, способствует их количественному увеличению и, как следствие, возможности их употребления не только в качестве притяжательных, но и в качестве относительных, например, прилагательное

моржовый со значением принадлежности – *моржевь зубъ*, с относительным значением – *ремень моржевой* (сделанный из кожи моржа) [Там же, вып. 9, с. 264].

К концу XIV – началу XV в. можно говорить о полном расхождении двух суффиксов: притяжательном *-ов1-* и *-ов2-* относительном [5, с. 41].

В эпоху формирования языка русской нации (XVIII в.) суффикс притяжательных прилагательных *-овъ(-евъ-)*1 не проявил каких-либо изменений на структурном уровне. Например, в «Словаре Академии Российской» [11] зафиксировано много образований от таких слов, которые обозначают родство и свойство (*братовъ, отцовъ, праотцевъ, отчимовъ, свояковъ, сватовъ, маминъ, теткинъ, мачихинъ, правнукинъ, внукинъ, снохинъ, падчерицынъ, золовкинъ, дѣдушкинъ, женнинъ, сестринъ*), людей по профессии, по званию (*консуловъ, конюховъ, полицмейстеровъ, пахарева, палачовъ, господаревъ* (господарь – правитель в Молдавии), *пекаревъ, живодеровъ, издателевъ, министровъ, переметчиковъ, лѣсниковъ, сыромятниковъ, печниковъ, митрополитовъ, монаховъ, слесаревъ, садовниковъ, дьячихинъ, монахининъ, надзирательницынъ, служанкинъ, слугинъ, служкинъ, графининъ, игуменьинъ, гомудынинъ, княжнинъ, дьяконицынъ*), по какой-либо качественной характеристике (*умышленниковъ, красавцевъ, мучителейъ, преступниковъ, любовниковъ, доносителейъ, донощиковъ, заступниковъ, скрягинъ, любовницынъ, преступницынъ, пугалицынъ*) и др. Притяжательные прилагательные, образованные от названий животных, представлены следующими образованиями: *кориуновъ, коніовій, ословый, крокодиловъ, кротовый, кроликовый, попугаевый, песцовый, шиповій* (принадлежащий рыбе шипу), *ослицынъ, сорокинъ, павинъ, плотицынъ, свиный, яркинъ, кокушкинъ, цаплинъ, ящерицынъ, козлиный* и др. Как показывает собранный материал, группа слов с рассматриваемыми морфемами продолжает пополняться, причем новые прилагательные в большей степени образуются от наименований лиц по профессии.

В XIX в. при образовании притяжательных прилагательных с суффиксом *-овъ(-евъ-)*1 ни основа, ни сам суффикс не подвергается каким-либо морфонологическим изменениям. Однако с развитием лексикографии именно в словаре В. И. Даля [4] мы находим разграничения семантики прилагательных с *-овъ(-евъ-)*1: *барсовый, принадлежащий, свойственный барсу; дроздовый, к нему относящийся, принадлежащий*. С этого периода пополнение группы притяжательных прилагательных не столь активно, как в предшествующие эпохи. Именно середину XIX в. Б. М. Гриншпун [3, с. 49] вслед за Е. А. Земской [10, с. 284] называет переломным временем в судьбе притяжательных прилагательных: они заменяются на родительный падеж существительных или на прилагательные с суффиксом *-ск-* (*-овск-*), например, *Шекспировский* вм. *Шекспиров*.

Во второй половине XIX в., по словам Е. А. Земской, употребление прилагательных с *-ов-* ограничивается, они используются или как средство стилизации, например, в исторических песнях и балладах, или как средство иронии [Там же, с. 292].

В XX в. притяжательные прилагательные с *-овъ(-евъ-)*1 начинают «выживать» за счет перехода в другие разряды (*кротовый капкан, кротовая тактика*), а также благодаря устойчивым оборотам типа *ежовые рукавицы, гордиев узел, дамоклов меч*. Более того, многими русистами (В. В. Виноградовым, Н. М. Шанским, А. Н. Тихоновым, И. Г. Милославским) ставится вопрос о необходимости и правомерности выделения такой группы, как притяжательные прилагательные, предлагается включение их в группу относительных или притяжательно-относительных [2; 8; 14]. Эта точка зрения отразилась в «Словаре современного русского литературного языка», в котором у прилагательных с *-ов-* часто нет толкования, указана лишь часть речи, нередко отсутствуют примеры: «**Аистовый**, прил. Зоол. Аистовые, *ых, мн.*, в знач. *сущ.* Семейство аистов (*сипопа*)» [13, т. 1, с. 66].

Рассматривая притяжательные прилагательные XXI в., Б. Ю. Норман и Т. В. Шмелева говорят об их активизации в современной речи (детской, неофициальной городской, медиапространства) [9; 15]. Это подтверждает собранный материал из «Большого академического словаря русского языка» [1], в котором прилагательные с суффиксами *-ий-* и *-ин-* толкуются как «относящийся к..., принадлежащий...», причем мотивирующей основой являются наименования как человека, так и животного. Притяжательные прилагательные с *-ов-*, образованные от названий животных, толкуются как относительные, в то же время прилагательные, образованные от наименований человека, обозначают не только отношение к человеку, но и принадлежность ему, во всех случаях приводятся примеры. Однако здесь не совсем понятно, почему *бегемотовые клыки* [Там же, т. 1, с. 436] только лишь относятся к бегемоту, в то время как *акулий зуб* может ей принадлежать [Там же, с. 152]. Тем не менее при толковании тех и других на первое место выдвигается их «относительность», а «притяжательность» если и дается, то в качестве уточнения.

Как показал собранный материал, притяжательный суффикс *-овъ(-евъ-)*1 еще в XVIII в., будучи очень продуктивным, со временем утратил это качество, словообразовательный тип с притяжательным *-ов-* в современном языке можно назвать «хилым». Этот тип оказался менее конкурентоспособным по сравнению с другими. Так, в словарях XVIII и XIX вв. зафиксированы такие образования, как *акулин, акулов* и *акулий*, и вполне естественно сохранение в современном языке только одного варианта, к тому же существительное в родительном падеже со значением принадлежности (*акулы*) легко может и могло заменить все три варианта. Остаются открытыми несколько вопросов. Каковы критерии этой конкурентоспособности? Почему именно *-овъ(-евъ-)*1 утратил свою продуктивность? И почему создатели древнерусских текстов (и мы можем предполагать, что и носители древнерусского языка в целом) для выражения принадлежности выбирали притяжательные прилагательные, тогда как в XXI веке для выражения того же значения в устной речи чаще выбирают конструкции с существительным в родительном падеже? С одной стороны, видимо, ответ кроется не в качествах словообразовательного типа или особенностях суффикса, здесь ведь речь идет не только о строе слова, но и о строе словосочетания: в современной речевой практике для выражения принадлежности

отдается предпочтение конструкциям с управлением, а не согласованием. С другой стороны, возможно, в данном случае мы наблюдаем развитие аналитизма в выражении категории посессивности в русском языке, однако это предположение требует дополнительных исследований.

Список источников

1. **Большой академический словарь русского языка:** в 24-х т. М.: РАН, Институт лингвистических исследований; Наука. 2004. Т. 1: А – Бишь. 661 с.; 2005. Т. 2: Благо – Внять. 657 с.; 2005. Т. 3: Во – Вящий. 664 с.; 2006. Т. 4: Г – День. 677 с.; 2006. Т. 5: Деньга – Жюри. 696 с.; 2006. Т. 6: З – Зятушка. 832 с.; 2007. Т. 7: И – Каюр. 736 с.; 2007. Т. 8: Каюта – Кюрины. 840 с.; 2007. Т. 9: Л – Медь. 664 с.; 2008. Т. 10: Медяк – Мячик. 576 с.; 2008. Т. 11: Н – Недриться. 634 с.; 2009. Т. 12: Недруг – Няня. 656 с.; 2009. Т. 13: О – Опор. 776 с.; 2010. Т. 14: Опора – Отрыгь. 656 с.; 2011. Т. 15: Отряд – Перевал. 616 с.; 2011. Т. 16: Перевалец – Пламя. 640 с.; 2011. Т. 17: План – Подлечь. 672 с.; 2011. Т. 18: Подлещ – Порой. 776 с.; 2011. Т. 19: Порок – Пресс. 712 с.; 2012. Т. 20: Пресса – Прodel. 734 с.; 2012. Т. 21: Прodelать – Пятью. 632 с.; 2013. Т. 22: Р – Распloh. 744 с.; 2014. Т. 23: Распльв – Рознитья. 736 с.
2. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове). М. – Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. 784 с.
3. **Гриншпун Б. М.** Притяжательные прилагательные с суффиксами -ин-, -ов- в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1967. 312 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык. 1989. Т. 1. 700 с.; 1989. Т. 2. 778 с.; 1990. Т. 3. 557 с.; 1991. Т. 4. 684 с.
5. **Зверковская Н. П.** Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI-XVII вв. / отв. ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов; АН СССР; Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1986. 113 с.
6. **Климов Г. А.** Типология языков активного строя / АН СССР; Ин-т языкознания. М.: Наука, 1977. 320 с.
7. **Макарова С. Я.** Родительный падеж принадлежности в русском языке XI-XVII вв. // Труды института языкознания: в 8-ми т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 7-31.
8. **Милославский И. Г.** Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с.
9. **Норман Б. Ю.** Грамматика каноническая, реальная и потенциальная // *Język i metoda: Publikacja dofinansowana przez Uniwersytet Jagielloński ze środków Wydziału Filologicznego* / Red. D. Szumska. Kraków, 2015. С. 91-104.
10. **Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века:** в 5-ти т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. Т. 3. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 600 с.
11. **Словарь Академии Российской:** в 6-ти ч. СПб.: Императорская Академия наук. 1789. Ч. I. От А до Г. 636 с.; 1790. Ч. II. От Г до З. 664 с.; 1792. Ч. III. От З до М. 761 с.; 1793. Ч. IV. От М до Р. 639 с.; 1794. Ч. V. От Р до Т. 602 с.; 1794. Ч. VI. От Т и до конца. 600 с.
12. **Словарь русского языка XI-XVII вв.:** в 28-ми вып. / под ред. С. Г. Бархударова, Г. А. Богатовой. М.: Наука. 1975. Вып. 1. 371 с.; 1975. Вып. 2. 319 с.; 1976. Вып. 3. 288 с.; 1977. Вып. 4. 403 с.; 1978. Вып. 5. 392 с.; 1979. Вып. 6. 359 с.; 1980. Вып. 7. 403 с.; 1981. Вып. 8. 351 с.; 1982. Вып. 9. 357 с.; 1983. Вып. 10. 327 с.; 1986. Вып. 11. 456 с.; 1987. Вып. 12. 384 с.; 1987. Вып. 13. 319 с.; 1988. Вып. 14. 312 с.; 1989. Вып. 15. 286 с.; 1990. Вып. 16. 295 с.; 1991. Вып. 17. 296 с.; 1992. Вып. 18. 289 с.; 1994. Вып. 19. 272 с.; 1995. Вып. 20. 288 с.; 1995. Вып. 21. 280 с.; 1997. Вып. 22. 298 с.; 1996. Вып. 23. 253 с.; 2000. Вып. 24. 254 с.; 2000. Вып. 25. 275 с.; 2002. Вып. 26. 278 с.; 2006. Вып. 27. 276 с.; 2008. Вып. 28. 303 с.
13. **Словарь современного русского литературного языка:** в 17-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР. 1950. Т. 1. 444 с.; 1951. Т. 2. 723 с.; 1954. Т. 3. 700 с.; 1955. Т. 4. 691 с.; 1956. Т. 5. 965 с.; 1957. Т. 6. 739 с.; 1958. Т. 7. 752 с.; 1959. Т. 8. 924 с.; 1959. Т. 9. 746 с.; 1960. Т. 10. 892 с.; 1961. Т. 11. 926 с.; 1964. Т. 12. 846 с.; 1962. Т. 13. 757 с.; 1963. Т. 14. 700 с.; 1963. Т. 15. 648 с.; 1964. Т. 16. 808 с.; 1965. Т. 17. 1068 с.
14. **Шанский Н. М., Тихонов А. Н.** Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: в 3-х ч. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. Словообразование. Морфология. 256 с.
15. **Шмелева Т. В.** Притяжательные прилагательные: почему не сбывается виноградский прогноз? // *Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia, 34)*. Helsinki, 2008. С. 358-371.
16. **Шумилова М. В.** Посессивный выбор в речевой практике дошкольников (по данным лингвистического эксперимента) // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»*. Вып. 14 // *Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» (22-23 апреля 2016 г.)* / гл. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург, 2016. С. 348-354.

ON DYNAMICS OF PRODUCTIVITY OF THE POSSESSIVE ADJECTIVE SUFFIX *-OB-* IN THE RUSSIAN LANGUAGE (ACCORDING TO LEXICOGRAPHIC SOURCES)

Shumilova Marina Vladimirovna
Omsk State Pedagogical University
shumilova_m.v@mail.ru

The article analyzes the dynamics of productivity of the possessive adjective suffix *-ob-* in different periods of existence of the Russian language. For the first time the author considers the evolution of a word-formative type from the XI century to our days. In the Old Russian language the semantic center of adjectives with this suffix is the meaning of belonging, which fades with time under the influence of the type, already existing in the language, with a relative suffix *-ov-*, facilitating the transition of possessive adjectives to other categories. The explanatory and historical dictionaries of the Russian language are the material for the study.

Key words and phrases: productivity; possessive adjective; suffix; possessiveness; word-formative type.